

- с использованием комплексных индикаторов: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2003. С. 9.
- ³⁰ См.: *Чекмарев В.В.* Человек в экономическом пространстве // Россия в актуальном времени-пространстве. М.; Волгоград, 2000. Ч. 1. С. 200; *Быстяков И.К.* Народ, регион, государство: стабильность развития // Там же. С. 267.
- ³¹ См.: *Кирдина С.Г.* X- и Y-экономики: институциональный анализ. М., 2004. С. 80, 98.
- ³² См.: *Осипов Ю.М.* Что есть экономика вообще и что она есть сегодня? // Философия хозяйства. 2004. № 3. С. 84; *Он же.* Российское хозяйство: деградационный кризис и возможность его преодоления // Экономическая теория в XXI в. Проблемы пореформенной экономики. М., 2005. Вып. 3(10). С. 5.
- ³³ *Кульман А.* Экономические механизмы: Пер. с фр. / Под общ. ред. Н.И. Хрусталева. М., 1993. С. 5.
- ³⁴ *Дрогунцов С.И., Ральчук А.Н.* Управление техногенно-экологической безопасностью в контексте парадигмы устойчивого развития: концепция системно-динамического решения. Киев, 2002. С. 19.
- ³⁵ *Астапов К.Л.* Особенности развития экономических систем в современных условиях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. 2005. № 4. С. 71.
- ³⁶ *Нестеренко А.* Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопр. экономики. 1997. № 3. С. 46.
- ³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. М., 1987. Т. 7. С. 169.
- ³⁸ *Чекмарев В.В.* Книга об экономическом пространстве. Кострома, 2001. С. 146.
- ³⁹ *Шаламов Г.А.* Региональная экономика: Взаимодействие экономического и социального развития: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1991. С. 15.
- ⁴⁰ *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1984. С. 157.
- ⁴¹ *Инишаков О.В.* Указ. соч. С. 27.
- ⁴² *Осипов Ю.М.* Принципы хозяйственной самоорганизации. М., 1993. С. 6, 7.
- ⁴³ *Хакен Г.* Указ. соч. С. 29.
- ⁴⁴ *Рузавин Г.И.* Самоорганизация и организация в развитии общества // Вопр. экономики. 1995. № 8. С. 66.
- ⁴⁵ *Ламперт Х.* Социальная рыночная экономика. Германский путь. М., 1993. С. 6.
- ⁴⁶ *Friedman M., Friedman R.* Free to Choose. N.Y., 1980. P. 67.
- ⁴⁷ *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 20.

УДК 332.135

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.С. Федоляк

Саратовский государственный университет,
кафедра экономической теории и национальной экономики
E-mail: fvs01@rambler.ru

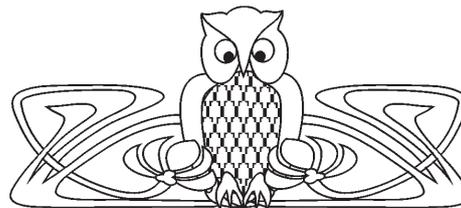
В статье выявлены причины, а также рассмотрены базовые теории региональной экономики в части обоснования межрегиональной социально-экономической диспропорциональности. Доказывается неприемлемость реализации политики регионального развития в современной России, в основе которой лежал бы принцип диспропорционального развития регионов.

Ключевые слова: регион, межрегиональная диспропорциональность, региональная экономика, региональное развитие, региональная асимметрия, региональная политика, «центр-периферия», дифференциация регионов.

Inter-regional Disproportions of Social and Economic Development of Modern Russia

V.S. Fedoljak

In the article the reasons are revealed, and also base theories of regional economy regarding a substantiation of inter-regional social and economic disproportionality are considered. Unacceptability of realization of policy of regional development in modern Russia in which basis the principle of disproportional development of regions would lay is proved.

Key words: inter-regional disproportionality, regional economy, regional development, regional asymmetry, regional policy, centre – periphery, differentiation of regions.

Изучение межрегиональной диспропорциональности в современной России относится к числу проблем, находящихся в центре внимания ученых (экономистов, политологов, социологов и др.). Анализ соотношения параметров социально-экономического развития различных регионов, выявление причин их дифференциации дает ответ на многие животрепещущие вопросы, главным из которых является состояние целостности национального социально-экономического пространства: динамика и тенденции интеграционных и дезинтеграционных процессов, происходящих в рамках данной целостности. Эволюция основных параметров развития регионов, а также содержание экономических отношений между ними в условиях рынка демонстрируют нарастание дезинтеграционных процессов, выражением которых служит развитие межрегиональной диспропорциональности. «С наступлением нового времени, – отмечал Ф. Бродель, – главенство экономики становится все более весомым: она ориентирует, разрушает равновесие, воздействует на другие порядки. Она чрезмерно усиливает неравенство, замыкает в бедности или богатстве...»¹.

Пропорциональность социально-экономической системы – ее структурно-параметрическое соответствие условиям устойчивого экономического роста в межрегиональном аспекте – означает национально-хозяйственную необходимость обеспечения нижней границы значений показателей уровня жизни и эффективности хозяйственной деятельности в каждом регионе, не уступающих соответствующим среднероссийским показателям.

Межрегиональная диспропорциональность социально-экономического развития – это отклонение показателей уровня жизни, условий и эффективности хозяйственной деятельности в регионе (группе регионов) от соответствующих среднероссийских показателей. Углубление данного процесса неминуемо имеет следствием неустойчивость, а затем и кризисное состояние национально-хозяйственной воспроизводственной системы в результате нарастания в ней структурно-параметрических противоречий.

Существование межрегиональной социально-экономической диспропорциональности обозначено в базовых теориях региональной экономики. Первая, наиболее известная попытка анализа территориальной диспропорциональности изложена в исследованиях И. фон Тюнена, предложившего модель локализации различных видов хозяйственной деятельности вокруг отдельно взятого городского поселения. Заметим, в предложенной им модели основной акцент сделан не просто на различиях города («центра») и окружающих его специализированных концентрических территорий, а на их функциональной взаимообусловленности в рамках системного целого.

Отношения диспропорциональности – это, прежде всего, отношения иерархии, складывающиеся благодаря концентрации на отдельных субтерриториях некоего набора «центральных» функций (административно-распорядительных, сервисных и т.п.), что одновременно можно рассматривать как определенное рода «делегирование» функций системному центру. Именно функциональная сопряженность представляет собой сущностную, качественную сторону центро-периферийной организации, тогда как любые иные территориальные социально-экономические различия выступают, скорее, как ее внешние проявления.

Одним из первых на иерархичность как одно из фундаментальных свойств региональной экономики обращал внимание Ф. Бродель. Дальнейшая эволюция представлений о диспропорциональности социально-экономического развития связана с теорией «центральных мест» В. Кристаллера. В соответствии с точкой зрения данного автора, центральное место – это поселение любого размера, чаще всего город, обеспечивающий тяготеющую к нему периферию центральными товарами. В дальнейшем, по мере становления и эволюции

представлений о региональной организации экономики, констатация факта региональной социально-экономической диспропорциональности закономерно дополнялась и попытками научного объяснения становления и воспроизводства «центра», его взаимоотношений с тяготеющей периферией.

Стремление обосновать экономическую доминанту одного из основных глобальных «центров» (Западной Европы) характерно, в частности, для работ И. Валерстайна, акцентировавшего внимание на позитивном эффекте от высвобождения ресурсов (за счёт передачи ряда функций на периферию) как экономической основе социально-экономического и научно-технического прогресса «центра». В своей теории миро-системного анализа И. Валерстайн выделял три основные зоны (ядро, полупериферию и периферию), различающиеся по таким критериям, как сложность хозяйственных институтов, прибыльность производимых продуктов и, главное, способы контроля над трудом². В подобном контексте особо важным представляется акцент на инновационную природу обособления ядра, роль нововведений в выстраивании отношений диспропорциональности на различных территориально-таксономических уровнях.

Существенным шагом в осмыслении механизма формирования и функционирования системы «центр – периферия» в этой связи стало и исследование диффузий нововведений Т. Хагерстранда. В соответствии с отражённой в работах данного автора логикой инновационного процесса «центр» все более утверждает себя как место зарождения нововведений технологического и социально-экономического порядка, а остальное пространство служит экономической средой распространения нововведений.

Выше охарактеризованным концепциям, содержательно во многом близки сформированные в основном в первой половине XX столетия теоретические конструкции, акцентирующие внимание на объективно складывающемся неравном положении тех или иных национальных хозяйственных систем (равно как и регионов) в глобальной геоэкономике, отсутствии паритетного характера в экономических отношениях между отдельными территориями. В их числе необходимо назвать теорию империализма и неокOLONиализма (Р. Гильфердинг, О. Бауэр, В. Ульянов), теории модернизации и неозволюционизма (М. Вебер, Т. Пирсон, Ш. Эйзенштадт, Г. Мюрдаль), теории периферийной экономики и зависимого капитализма (Р. Пребиш, С. Фуртадо, Т. Дос Сантос)³.

В последние 20–25 лет доминантным фактором диспропорциональности всё более выступает становление мирохозяйственной системы, глобализация. Одновременно в складывающемся ведущем «ядре» мировой экономики (США и Западной Европе) наметилась резкая тенденция смены веду-

щих факторов регионального развития, выразившаяся в деконцентрации производства и населения. Речь идет о распространении так называемой «третьей волны» О. Тоффлера, то есть переходу к обществу, основанному на телекоммуникациях, переработке информации и т.п. В этих условиях эффект агломерации в экономике, связанный с экономией на транспортных издержках, перестанет действовать; экономическая активность фактически может размещаться где угодно; качество среды становится ресурсом производства⁴. В результате количество «полосов развития» увеличивается и они приобретают новые пространственные очертания. Принадлежность к ним становится важнейшим фактором инновационного роста и конкурентоспособности отдельных фирм, корпораций и в целом мезоэкономик, вынужденных действовать в условиях дальнейшего возрастания территориальных контрастов в экономической, технологической и социальной сферах, углубления диспропорциональности.

В новых геоэкономических условиях логическим дополнением общих теорий центро-периферийного устройства становятся сравнительно немногочисленные современные так называемые «динамические теории» размещения (учитывающие и сам факт диспропорциональности, и инновационную природу данного процесса). В рамках последних, в частности, выделяются стадии территориального развития промышленных фирм, на каждой из которых компании руководствуются различными критериями размещения. Первый – «локализация» – размещение новых промышленных фирм и предприятий на новых территориях. Второй – «селективная субурбанизация» – наращивание мощностей этих фирм по мере укрепления их рыночных позиций на изначально выбранных территориях. Третий – «дисперсия» – продвижение промышленной фирмы далее на периферию. И, наконец, четвертый – «перемещение центров тяжести в размещении» – перенос производства под воздействием обновления промышленной структуры, например, на основе технологических нововведений, из-за изменения структуры спроса, эволюции старых отраслей и производств. Фирмы – носители процессов обновления – нередко размещаются за пределами возникших крупных промышленных центров, что возвращает процесс на стадию «локализации»⁵.

В данном случае уместно также отметить, что в ситуации возрастающей социально-экономической динамики и дальнейшей эволюции региональной организации экономики идентификация той или иной территории (региона, субрегиона и т.д.) как «центра», «полупериферии», либо «периферии» носит очевидный элемент условности. Последнее связано, прежде всего, с тем, что появляются новые полюсы, при этом старые приходят в упадок и все более вытесняются первоначально на полупериферию, а затем и на

периферию (наглядный и наиболее свежий пример тому – Россия). Кроме того, многое зависит от масштаба компаративистского исследования: территория, по всем параметрам характеризуемая, к примеру, как полупериферия в системе национальной экономики (например, Краснодарский край), может одновременно выступать в качестве «центра» для макрорегиональной системы (юга России) и т.д.

Характерная для последних лет эволюция представлений о сущности диспропорциональности сопряжена также с уточнением соотношения категорий «рост» и «развитие». Именно последнее, являясь основополагающим целевым ориентиром экономической политики, корреспондирует с диспропорциональностью, идентифицирует складывающуюся систему «центр – периферия».

Реалии диспропорциональности получили своё отражение и в так называемых теориях «кумулятивного роста» (Н. Калдор, Г. Мюрдаль, Х. Ричардсон, Дж. Фридман и др.), согласно которым основным фактором, способствующим сохранению различий в темпах экономического роста, выступает притягательность для экономики крупных городских агломераций. В частности, по мнению Дж. Фридмана, формирование центров (ядер) роста протекает в четыре стадии: 1) наличие большого числа локальных ядер, мало влияющих на окружающие их территории; 2) появление одного наиболее мощного ядра, формирующего полюс роста и оказывающего воздействие на обширную периферию; 3) развитие еще нескольких ядер, приводящее к образованию полицентрической структуры полюсов роста; 4) слияние ядер в полиареальную структуру с мощной периферией⁶.

Данная теоретическая модель очерчивает прежде всего территориальный аспект диспропорциональности, становление и эволюцию «полюсов роста». Составляющие ее основу инновационные изменения затрагивают при этом не только собственно территориальную, но и отраслевую структуру, причём именно наличие (либо отсутствие) на той или иной территории современных отраслей, производств и в целом видов хозяйственной деятельности (а также ее притягательность для последних) выступает фактором позиционирования последней в системе «центр – периферия».

Соответствующие представления излагаются, в частности, в концепции Ж.-Р. Будвиля, согласно которой развитие производства не происходит равномерно во всех отраслях хозяйства – всегда можно выделить динамичные, так называемые «пропульсивные» отрасли. Они являются стимулом развития всей экономики и представляют собой «полюса развития». Благодаря процессу концентрации производства пропульсивные отрасли сосредоточиваются в определенной точке (регионе) – «центре (полюсе) роста». Основыва-

ясь на теории центральных мест В. Кристаллера, Ж.-Р. Будвиль предложил их классификацию, выделяя: мелкие и средние «классические» города, специализирующиеся на отраслях третичного сектора и обслуживающие прилегающую сельскую местность; промышленные города среднего размера с диверсифицированной структурой хозяйства, развивающегося за счёт внешних влияний; крупные городские агломерации с развитой структурой хозяйства, включающей пропульсивные отрасли, что обуславливает автономность роста; полюсы интеграции, охватывающие несколько городских систем и определяющие всю эволюцию пространственных структур.

Приведем некоторые примеры существования межрегиональной диспропорциональности в современной России. Например, существующие различия между наиболее обеспеченными и наиболее бедными регионами страны по душевому валовому региональному продукту (ВРП) (более чем в 20 раз), свидетельствуют об огромных диспропорциях в уровне развития регионов. Так, к примеру, в 17 более развитых регионах России показатель валового регионального продукта на душу населения превышает соответствующий показатель в 17 наименее развитых регионах почти в 7 раз. Или же, например, уровень бюджетных поступлений на душу населения в Ханты-Мансийском АО пре-

вышает средний показатель по России более чем в 10 раз, в то время как в Республике Дагестан соответствующий показатель более чем в 8 раз ниже среднероссийского уровня. Интересны расчеты Л.И. Нестерова по разрыву между высшим и низшим значениями основных социально-экономических показателей по субъектам Российской Федерации в 2000–2006 гг. в размах: по численности населения – 44; по общему объему валового регионального продукта – 273, на душу населения – 21; по уровню среднедушевых денежных доходов – 10; по общему объему промышленной продукции – 280, на душу населения – 64; по общему объему сельскохозяйственной продукции – 78.9, на душу населения – 9.6; по общему объему основного капитала – 286, на душу населения – 95; по общему объему капитальных вложений – 25, на душу населения – 12⁷.

Сегодня в России десять наиболее развитых регионов обеспечивают производство около 55% суммарного ВРП (табл. 1). Характерно, что наблюдается нарастание тенденции сужения числа регионов, производящих большую часть ВРП страны. По оценкам Министерства экономического развития и торговли РФ, бюджетная обеспеченность (доля собственных доходов в общих расходах бюджета субъекта) самого «богатого» региона страны и превосходит таковую самого «бедного» примерно в 6–7 раз.

Таблица 1

Доля отдельных субъектов РФ в суммарном ВРП России, %⁵

Субъекты РФ	Доля в 2006 г., %	Субъекты РФ	Доля в 1996 г., %
1. г. Москва	21.1	1. г. Москва	10.2
2. Тюменская область	10.3	2. Тюменская область	6.3
3. Московская область	3.9	3. Свердловская область	3.8
4. г. Санкт-Петербург	3.8	4. Московская область	3.6
5. Татарстан	2.8	5. г. Санкт-Петербург	3.2
6. Свердловская область	2.7	6. Самарская область	3.2
7. Самарская область	2.4	7. Красноярский край	3.0
8. Красноярский край	2.4	8. Нижегородская область	2.8
9. Краснодарский край	2.4	9. Башкортостан	2.7
10. Башкортостан	2.4	10. Челябинская область	2.7
Всего 10 субъектов	54.1	Всего 10 субъектов	41.5

Для выявления имеющихся диспропорций в региональном развитии осуществлена группировка регионов по размеру ВРП (с учетом покупательной способности) в расчете на душу населения (табл. 2). Так, пятая часть регионов страны имеет размер ВРП на душу населения менее 50 тыс. руб., в которых проживает 9.8% населения, и при этом в них производится всего 3.6% ВРП. Свыше 150 тыс. руб. на душу имеется в шести регионах, являющихся в основном нефте- и газодобывающими территориями.

Существующая сегодня межрегиональная дифференциация позволяет проводить типологизацию регионов по разным характеристикам: по уровню и темпам роста номинальных доходов населения; по соотношению денежных доходов и прожиточного минимума (по покупательной способности); по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума; по динамике производства; по уровню и динамике бюджетной обеспеченности; по степени их бюджетной самостоятельности и ряду других критериев.

Таблица 2

Группировка регионов России по размеру ВРП на душу населения
(с учетом уровня покупательной способности на душу населения в 2007 г., тыс. руб.)¹⁰

Группы регионов по ВРП (с учетом уровня покупательной способности на душу населения (тыс. руб.))	Регионы		Удельный вес групп, %	
	Количество	% к итогу	Численность населения	ВРП
До 50	19	21.3	9.8	3.6
51–100	54	60.7	64.8	5.1
101–150	10	11.2	16.7	16.9
Свыше 150	6	6.7	8.7	28.1
Итого	89	100	100	100

Протекающие в современной России процессы системной модернизации, становление рыночной экономики не только инициируют осязаемый всплеск интереса к проблематике территориальной социально-экономической диспропорциональности, но и фактически продуцируют дальнейшее нарастание диспропорций и асимметрии в системе «центр – периферия», причём на всех уровнях пространственной иерархии: общенациональном, региональном, локальном.

Причины, порождающие диспропорции в социально-экономическом развитии регионов России, многообразны: естественные различия природно-климатических условий, состав и масштабы природных ресурсов, местоположение (центр, периферия и др.), сложившаяся воспроизводственная структура, уровень и состав народонаселения, динамика социально-экономических и политических процессов на макроуровне, состояние производственной и социальной инфраструктуры, степень урбанизации и пр.

Однако, наряду с естественными существует комплекс причин, возникших вследствие неадекватных политических и экономических решений, находящихся в противоречии с социальными целями реформы. Примерами, относящимися к субъективным обстоятельствам, порождающим межрегиональные диспропорции, могут служить: государственная политика, создающая преимущества либо дискриминирующая отдельные регионы, разрыв (временной, пространственный) в проведении экономических реформ на региональном уровне; неурегулированность правовых основ, а также неэффективность самого механизма реализации действующего законодательства; необоснованные преференции и льготы, предоставляемые федеральным центром отдельным регионам.

Результатами этих и других подобных явлений служат существенно превышающие допустимые нормы различия в уровне доходов «бедных» и «богатых» слоев населения во внутрирегиональном и межрегиональном разрезе; неравномерность в распространении и углублении экономического кризиса в различных регионах, в конечном итоге – неэффективность единого экономического пространства и образование в

регионах локальных рынков, характеризующихся существенными различиями.

Проблема межрегиональных диспропорций своими корнями уходит в историю развития советского государства, в котором ускоренными темпами развивались отдельные республики, столичные города и в то же время многие области и регионы существенно отставали в своем экономическом и социальном развитии. Межрегиональные диспропорции в экономике России имеют своим источником структурную политику развития национального хозяйства в СССР. В условиях планово-директивной системы, в ее осуществлении определяющая роль принадлежала доктрине приоритетного развития предприятий группы «А», т.е. производство средств производства, в ущерб развитию предприятий группы «Б», т.е. производство предметов потребления.

Отраслевые диспропорции нарастали в условиях неравномерности развития территорий, а также повышения удельного веса и роли национальных республик и консервации экономического развития старых промышленных районов. Преимущественное развитие получили регионы, производящие продукцию отраслей группы «А». Расширение площадей экономической деятельности, разработка новых месторождений природных ресурсов в военно-стратегических целях, выравнивание экономического и социального положения в развитых и отсталых районах в довоенный период могли характеризоваться как основные цели региональной политики советского государства. Однако рост капиталовложений по этим направлениям, с экономической точки зрения, был не эффективен, так как данные капитальные вложения не окупались и не могли окупаться ввиду удаленности от индустриальных центров и слабой изученности территорий национальных окраин, более низкой производительности труда на новых предприятиях, чем в индустриально-развитых районах страны, неблагоприятной динамики занятости во вновь осваиваемых районах. Достаточно сказать, что темпы роста российской (РСФСР) экономики были на 25–30% ниже общесоюзных в связи с проводившейся в СССР политикой ускоренного хозяйственного развития союзных республик и, в первую очередь, бывших нацио-

нальных окраин Российской империи. Таким образом, практика диспропорционального развития регионов и появление в народнохозяйственной структуре регионов-доноров, за счет которых развивались отсталые регионы, была заложена еще в довоенный период.

Еще одним условием, порождающим межрегиональные диспропорции в недавнем прошлом, являлся механизм финансирования социальной сферы. В мировой практике социальная сфера, как известно, оплачивается из многих источников, в частности непосредственно потребителями (например, расходы на питание, медицину, образование за счет средств местных бюджетов, за счет национальных государственных целевых фондов и программ, фирмами для своих работников, из страховых фондов). В СССР основные инвестиции на социальное развитие осуществлялись из централизованных государственных источников. Тем самым возможности различных регионов уравнивались. Зачастую покрытие социальных расходов осуществлялось также средствами предприятий, которые выделялись через соответствующие министерства. Однако в условиях, когда существовало неравномерное развитие различных регионов, естественно, возможности предприятий в разных регионах были различными. В силу данного обстоятельства в индустриально-развитых регионах социальная сфера финансировалась на более высоком уровне, чем в тех регионах, которые отстали в своем развитии, как, например, в аграрных регионах.

В ходе современной реформы российской экономики сформированы новые условия развития межрегиональной диспропорциональности. Вот некоторые из них.

Во-первых, фактически произошел переход от моноцентризма государственно-монополистического типа к многоуровневому управлению с распределением функций между органами федеральной власти в центре и в регионах, а также на уровне местного самоуправления. При этом существование централизованных финансовых потоков и системы распределения бюджетных средств поставило в качестве одной из центральных проблем управления межбюджетными отношениями, а не воспроизводственных процессов в регионах. В этом процессе наиболее значим субъективный подход с точки зрения реального влияния и возможностей воздействовать на «центр» отдельных губернаторов и федеральных депутатов правящей партии. Это является субъективной причиной развития межрегиональных диспропорций.

Во-вторых, производство в новых условиях должно было перейти к рыночному мотивационному механизму с ориентацией производства на удовлетворение потребностей платежеспособного спроса. Однако в качестве главного мотива в деятельности предприятий выступила прибыль, получаемая от продажи импорта, а также воз-

можность получения других доходов в результате преимущественно коммерческой непроеизводительной деятельности. Реализация возможности получения прибыли подобными средствами в регионах неодинакова в силу их различий, как в плане естественных условий, так и в экономическом развитии. Неравные условия и возможности в данном случае служат еще одним фактором развития межрегиональных диспропорций.

В-третьих, сложилась система распределения и получения инвестиций, характеризующаяся тем, что инвестиционные потоки регулируются монопольным положением инвесторов, а также факторами субъективного свойства, то есть волевыми решениями, в большей степени личными связями руководителей регионов. Такой характер служит импульсом межрегиональных диспропорций.

В-четвертых, реализуется неадекватная государственная политика регулирования цен на продукцию естественных монополий. Необоснованно высокие ставки налогообложения обусловили: завышенный уровень цен на сырье и энергоносители; диспаритет цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства; монополизм в ценообразовании значительной части товаров народного потребления и услуг. Именно данные обстоятельства послужили причиной углубления межрегиональных диспропорций между субъектами-донорами и субъектами-реципиентами. Как известно, в числе доноров оказались субъекты-производители сырья, энергоносителей, продукции машиностроения, химии и нефтехимии и пр. При этом разрыв в экономических и социальных показателях между интенсивно развивающимися и проблемными регионами нарастает.

В-пятых, в экспортных операциях, вследствие определяющей доли в экспорте России сырья и энергоносителей, преимущество получили регионы, на территории которых производится данная продукция, а также Москва, где находятся головные предприятия крупнейших фирм сырьевых, топливно-энергетических и других отраслей, производящих продукцию на экспорт. В импорте также проявился приоритет Москвы и Санкт-Петербурга, а также некоторых региональных центров, сконцентрировавших наиболее значительные валютно-финансовые ресурсы. Именно здесь реализуется продукция крупными оптовыми партиями, а следовательно, имеет место наиболее масштабный товарооборот, присваивается основная масса прибыли. Монополизм Москвы и ограниченные возможности многих других субъектов Федерации в экспорте и импорте служат причиной развития межрегиональных диспропорций во внешней экономической деятельности регионов.

Эти и другие причины межрегиональной диспропорциональности влияют на обеспечение воспроизводственного процесса на уровне регионов. Воспроизводственный процесс обеспечивается наличием необходимых ресурсов (материальных,

природных, трудовых, финансовых и пр.). Однако в силу различных причин регионы, являющиеся элементами единого национального социально-экономического пространства, располагают различными ресурсными базами. Исходя из этого воспроизводственная проблема на региональном уровне решается в большинстве регионов не за счет собственных (внутрирегиональных) ресурсов, а за счет средств федерального бюджета. При этом регионы дифференцируются на доноров и реципиентов.

Дифференциация воспроизводственных возможностей регионов и их роль в формировании и использовании средств федерального бюджета служат условиями диспропорциональности в развитии различных регионов, в ходе которой на одном полюсе развиваются регионы, концентрирующие преимущественную часть властных полномочий и финансовые ресурсы, на другом – регионы, не располагающие в необходимой мере ни тем, ни другим. В результате формируются региональные «ядро» и «периферия». В своем стремлении приблизиться и войти в «ядро» регионы активно используют средства политики, монополизм во всех его проявлениях, отношения между региональными элитами и представителями властных структур.

В результате наряду с общими правилами у отдельных регионов появляются эксклюзивные права и льготы, особые, утвержденные двусторонними договорами, отношения между центром и регионами. В рамках единого социально-экономического пространства образуются, с одной стороны, привилегированные регионы, с другой – остальные. В этих условиях дифференциация регионов дополняется дискриминацией «региональным ядром» «региональной периферии». Наряду с нормальными экономическими условиями формирования доходов на региональном уровне, «регионы ядра» (прежде всего Москва) используют эксклюзивные возможности присвоения части доходов «региональной периферии». Например, в Москве сконцентрировано до 70–80% финансовых ресурсов страны. Это денежные средства крупных государственных и коммерческих структур, а также банков, аккумулирующих финансовые ресурсы регионов и концентрирующих доходы в Москве или за рубежом. В частности, сырьевые предприятия в ресурсодобывающих регионах в современных условиях в своей значительной части являются подразделениями фирм, базирующихся в Москве, поэтому регионы не могут собирать с них налоги, а доходы от деятельности данных фирм уходят в Москву.

Как представляется, явления дифференциации в развитии регионов, возникающие вследствие дискриминации одних регионов другими, не должны прогрессировать, поскольку это прямой путь к нарушению единого экономического и социального пространства национальной эконо-

мики, поле обострения политических, экономических, социальных противоречий.

В условиях роста цен на все виды продукции и, прежде всего, сырье и энергоносители, регионы испытали в своем развитии кризисные явления, выразившиеся в падении производства, росте платежей, резком снижении инвестиций, в первую очередь в промышленности. В этих условиях развивается процесс стремительной диспропорциональности экономического и социального развития регионов. В.Е. Селиверстов выделил два этапа развития межотраслевых диспропорций в современной России:

– первый, до начала 2000 года, характеризуется резким отрывом регионов сырьевой экспортной направленности, который имел своим следствием развитие диспаритета, проявившегося в явном обозначении регионов-лидеров и аутсайдеров;

– на втором этапе, начиная с 2000 года и по сей день, межрегиональные диспропорции обрели новое качество, выразившееся в том, что обозначились лидеры по темпам отрыва – регионы, сконцентрировавшие в невиданных ранее масштабах реальную финансовую власть⁸.

Асимметрия на современном этапе проявляется, по мнению экспертов проекта «Тасис» (проект, направленный на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии регионов России), как в экономической и социальной сферах, так и в институциональных и правовых аспектах российского федерализма⁹. В свою очередь, отмеченная неравномерность развития регионов, по убеждению А. Шохина, вынуждает центр усиливать пресс перераспределения на передовые регионы, развитие которых в этих условиях затормаживается, в то время как отсталые регионы лишь увеличивают свою зависимость от федеральных дотаций, а следовательно, побуждает центр руководствоваться не столько экономическими соображениями эффективности, сколько политическими соображениями равенства между регионами¹⁰.

Тем не менее сейчас достаточно распространено и такое мнение, согласно которому в экономическом плане «... нормально Российская Федерация может развиваться только как асимметрическая федерация. Отказ от этого принципа неминуемо приводит к возврату страны в унитарное русло. Принцип асимметричности не приемлет равноправие субъектов, что на современном этапе энергично выдвигается федеральным центром»¹¹. Подобного же мнения придерживается и ряд других авторов: «Попытки подавить асимметричность статусов субъектов Федерации ведут к выхолащиванию федеративных отношений, к фактическому унитаризму государственного устройства».

Другими словами, обосновывается необходимость формирования новой государственной политики регионального развития, в основе которой вместо политики выравнивания уровня регионального развития лежал бы принцип дис-

пропорционального или поляризованного (сфокусированного) развития отдельных регионов-лидеров («опорных регионов»), которые могли бы потянуть за собой остальные территории.

В рамках этой модели предлагается осуществлять концентрацию финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов в «опорных регионах», которые быстрее обеспечивают отдачу вкладываемых бюджетных вложений, при этом отказавшись от принципа выравнивающего развития регионов страны. Оставшиеся регионы целесообразно разделить на отсталые и депрессивные. Предполагается, что отсталые регионы будут получать социальные трансферты, а в отношении депрессивных регионов будет производиться селективная бюджетная (грантовая) поддержка инициатив, ориентированных на экономический рост и увеличение налоговой базы.

Следует отметить, что поляризованное развитие – это известный инструмент рыночной экономики, который применяется как на уровне стран, так и в конкретных отраслях экономики. В основе теории полюсов роста, предложенной французским экономистом Ф. Перру, лежит представление о ведущей роли лидирующих отраслей, создающих новые товары и услуги. Центры и ареалы экономического пространства, где размещаются предприятия лидирующих отраслей, становятся полюсами притяжения факторов производства, поскольку обеспечивают наиболее эффективное их использование. Это приводит к концентрации предприятий и формированию полюсов экономического роста.

Эта же концепция лежит и в основе практикующегося в последнее время в аграрном секторе механизма, когда вместо равномерного распределения скудных средств господдержки по большому кругу предприятий АПК они в первоочередном порядке направляются в ведущие предприятия отрасли. Тем не менее, практика показывает, что нужно осторожно использовать этот принцип, поскольку одностороннее перенаправление средств господдержки отдельным лучшим предприятиям, обеспечивающим наивысшую окупаемость, лишает слабые хозяйства всяких перспектив и шансов своего оздоровления с участием государства.

Несложно просчитать возможные риски при использовании этой теории в отношении целых регионов, которые в силу разных объективных обстоятельств существенно различаются по своему природно-производственному потенциалу. К тому же свое вхождение в рынок регионы начинали с разных стартовых позиций, поскольку практиковавшийся в советские годы принцип разделения труда обеспечивал создание инфраструктуры тех отраслей, для которых имелись благоприятные условия в данном регионе. Поэтому, например, в регионах, которые играли роль поставщика плодоовощной и другой сельхозпродукции в другие регионы страны, создавались в первую очередь

соответствующие мощности для их производства и переработки, тогда как во многих регионах были созданы высокотехнологичные производства, что в рыночных условиях выступает их выгодным конкурентным преимуществом.

За годы экономических реформ произошло дальнейшее усиление поляризации регионов по уровню развития. Наивно рассчитывать на целенаправленное укрепление поляризации в надежде, что регионы-локомотивы потянут за собой отстающие регионы. На наш взгляд, регионы-лидеры просто уйдут в еще больший отрыв от регионов-аутсайдеров, и нет гарантии, что они начнут подтягивать остальных до своего уровня. Экономика регионов страны не настолько тесно переплетается между собой, чтобы придание импульса одним автоматически сказывалась и на остальных в форме прихода инноваций волнообразным способом. Отметим, что сегодня не чувствуется активного желания взаимодействовать со стороны регионов-лидеров, которые значительно опережают своих соседей. И это притом, что регионами-аутсайдерами делается немало, чтобы привлечь капитал из ведущих регионов для совместной разработки взаимовыгодных проектов.

Мировой опыт также наглядно показывает, что в таких условиях происходит процесс, когда развитые страны становятся еще богаче, а слабые даже теряют надежду на создание элементарных условий проживания, не говоря уж о подтягивании своего уровня экономического развития до стран-лидеров. И этот разрыв в мире высоких технологий только усиливается.

В едином государстве для федеральных органов становиться крайне важным обеспечить справедливый баланс интересов центра и регионов, что, в свою очередь, укрепляет федеративные отношения и целостность государства. Очевидно, что сегодня еще рано и неоправданно отказываться от концепции выравнивания уровня социально-экономического развития регионов, нужно шире использовать возможности государства и общества для сглаживания диспропорций в региональном социально-экономическом развитии.

Примечания

- ¹ Цит. по: Булгакова О.А., Джурбина Е.М. Понятийно-терминологические основы концепции территориальной социально-экономической поляризации // Региональная экономика: теория и практика. 2004. № 4. С. 11.
- ² Цит. по: Валерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- ³ Трофимов А.М., Игонин Е.И. Концептуальные основы моделирования в географии. Казань. 2001.
- ⁴ Капустина Л.М. Эволюция отношений регионов и центра России // Региональная экономика: теория и практика. 2001. № 3. С. 26.
- ⁵ Нестерова Л.И. Стратегия регионального развития:

- выравнивание или поляризация // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 2.
- 6 Селиверстов В.Е. Современные тенденции региональной политики в России // Общество и экономика. 2006. № 5. С. 8.
- 7 Дружинин А.Г., Ионов А.Ч. Концептуальные основы регионализации экономики. Ростов н/Д, 2003. С. 83.
- 8 Шохин А. Децентрализация экономической и финансовой системы России как инструмент оздоровления

- межбюджетных отношений // Экономика и управление. 1999. № 2. С. 24.
- 9 См.: Юсупов К.Н. Региональная экономика (теория и практика). Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 2004.
- 10 См.: Бугера М. Асимметрия Российской Федерации и совершенствование федеральной и региональной политики // Экономика и управление. 2008. № 1. С. 17.
- 11 См.: Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.

УДК [331.5:004.9](4)

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ВИДЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

М.В. Голубниченко

Саратовский государственный университет,
кафедра финансов и кредита
E-mail: mvl04@mail.ru

Изменения в системе социально-трудовых отношений, связанные с широким распространением и применением в трудовой жизни Интернет-технологий и информационных систем, приводят к виртуализации социально-трудовых отношений и занятости как важнейшего их элемента, возникает виртуальная занятость. В статье выделены ее основные черты и виды.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, виртуализация, виртуальная занятость.

Basic Features and Forms of Virtual Employment

M.V. Golubnichenco

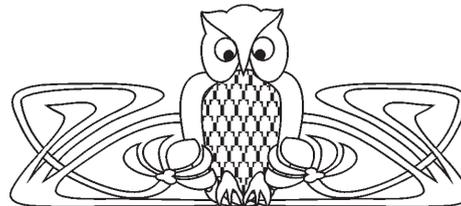
The 21 century is the time of information. Internet-technologies and information systems are very popular nowadays. Many people make use of it in everyday life, in their work. As a result there are socio-labour relations virtualization and virtual employment. This article deals with basic features and forms of virtual employment.

Key words: socio-labour relations, virtualization, virtual employment.

В связи с развитием и распространением информационно-коммуникационных технологий в настоящее время появляются новые способы взаимодействия между субъектами социально-трудовых отношений: с помощью современных телекоммуникаций при наличии расстояния между ними. Осуществляется виртуализация социально-трудовых отношений.

Поскольку важным элементом социально-трудовых отношений является занятость, процесс виртуализации приводит к возникновению ее виртуальной формы. Она основана на использовании информационных технологий (ИТ) в качестве основы организационных связей, что позволяет менять ее пространственные параметры, активно использовать гибкие режимы рабочего времени.

Для виртуальной занятости характерны следующие черты:

1. *Значительное снижение доли физического труда.* В процессе виртуализации падает роль физического воздействия на предмет и средства труда. На первый план выходит умственная составляющая труда. Виртуальная занятость связана с умственным трудом, с получением, обработкой и передачей информации. Работник должен обладать высокой восприимчивостью к нововведениям, поскольку в виртуальной экономике осуществляется формирование новых, не известных ранее информационных ресурсов и систем, рабочие места оснащаются современными техническими средствами. Работнику необходимо совершенствовать свои профессиональные знания и повышать квалификацию.

2. *Широкое применение информационно-коммуникационных технологий в трудовой деятельности.* Само понятие виртуальная занятость подразумевает обязательное использование информационно-коммуникационных технологий.

3. *Рост профессионально-квалификационного уровня рабочей силы,* что связано с формированием нового информационно-профессионального пространства. Появление новых профессий, изменение устоявшихся профессиональных направлений в соответствии с развивающимися информационными технологиями приводят к развитию профессионально-квалификационного уровня рабочей силы. Доминирующим в виртуальной экономике становится высококвалифицированный труд. В связи с этим можно отметить, что в виртуальной экономике функционирует новый вид трудовой деятельности – информационный труд. Информационный труд в экономической литературе определяется как система отношений в деятельности, связанной с воспроизводством информационных ресурсов и их эксплуатацией¹. Так, деятельность виртуальных работников связана с превращением информационных и интеллектуальных ресурсов в необходимые для личного и общественного потребления информационные продукты и услуги.